

Барви

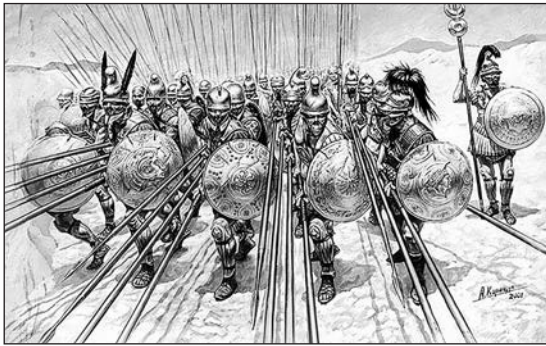
Никита

ВАСИЛЕНКО

Война с готами.

*Смерть
Константина Терманика,
трибуна Галльского легиона*

Харьков
«ФОЛІО»
2021

Глава I

ГОСТЬ ИЗ ПРОШЛОГО

Домну прошли быстро, помог парус и антский ветер. Однако Ждан, повинуясь приказу с головной лодии, кивнул Иннокентию в сторону левого высокого берега: «Приставай!» Причина распоряжения походного вождя антов была очевидной: солнце перевалило зенит, близился вечер. Впрочем, летние ночи в варварской стране были так же коротки, как и в столице Империи. Рано утром Константин Германик рассчитывал увидеть легендарный Борисфен.

Когда речные корабли антов один за другим с разгону выскочили на песчаный пляж, трибун Галльского легиона поспешил на берег. Откровенно говоря, его порядком тошнило от утренней рыбной похлебки, запитой горьковатой водой из источника, вытекавшего из-под высокого берега Домны. Вдобавок мутило от странного цвета речной воды, которая струилась и скручивалась, как огромное тело плывущей змеи.

— Аттик, за мной! — скомандовал римлянин. — Прихвати что-то пожрать для Цербера, чтобы он за этими... сусликами не гонялся.

— Суслики в степи водятся, — охотно вступил в разговор Эллий Аттик, обрадовавшись, что ему предоставили

возможность продемонстрировать свою эрудицию. — Здесь лесистая местность, все больше зайцы плодятся.

Германик, вопреки уже установившейся традиции решительно пресекать болтовню всезнайки, кивнул. Если лес, значит, пес точно захочет полакомиться зайчатиной, Аттик его просто не удержит.

— Давай поводок! — потребовал он. — Возьми мой щит.

По старому римскому уставу трибуну щит не полагался: офицер обязан руководить боем из глубины строя. Но тут — иное дело. Война без правил, засадная.

Подошел кормчий Иннокентий. Наверное, хотел узнать, куда собрался командир, но, увидев армейский щит в руках бывшего актера, решительно заявил:

— Это против правил, трибун. Если налетят конные скифы, ты не успеешь даже закрыться. Я пришлю тебе серпоносца и стрелка.

Германик хотел возразить, что скифов уже сотни лет как в помине нет, но в желудке забурлило так, что он едва успел сглотнуть слюну. Вот снова и снова! Клокочет, как серный источник в Азии!

Он метнулся к ближайшим кустам, усеянным мелкими белыми цветочками, да так щедро, будто в начале лета снег выпал. Пока Германик разбирался со своим желудком, вернее, желудок разбирался с ним, Цербер исполнял роль передового отряда-авангарда, не подпуская к кустам посторонних.

Наконец трибуну полегчало в прямом и переносном смысле слова. Но на всякий случай он решил пройтись, «осмотреться на местности», как говаривал его первый командир. Тем более что слева и справа его уже прикрывали верные охранники: серпоносец Тирас и стрелок Калерб.

Позади, трагично вздыхая, плелся Элий Аттик. Римский щит был явно тяжел для грека, чьи предки потеряли свободу полтысячи лет тому, навеки успокоенные легионами претора Квинта Цецилия Метеллы.

...Неподалеку от легендарного Коринфа греки построились фалангой, как раньше это сделали македонцы, тоже не пожелавшие подчиниться Риму. Греческие пехотинцы-фалангиты продавили несколько линий гастатов — римской тяжелой пехоты. Но опытный Квинт Цецилий Метелла послал отборный отряд в тысячу бойцов, который ударил во фланг грекам. Фалангиты не успели развернуться, длинные копья на этот раз не спасли, а помешали. Враги Рима были разгромлены наголову. Фалангиты полегли почти полностью, остатки конницы были рассеяны. Детей и женщин мятежного Коринфа продали в рабство, трупы стариков сгнили на опустевших улицах...

— Командир, если ты заберешь щит, то я вернусь назад, чтобы обеспечить тебе здоровье во время речных переходов, — раздался вкрадчивый голос Эллия Аттика.

Константин Германик обернулся к греку, спросил недоуменно:

— О чем ты?

Тот, положив тяжелый щит на траву, смиренно произнес:

— Издалека расслышав, как ты невыносимо страдаешь за кустом бузины, я осмелился обратиться к тебе, воистину гомеровскому герою, чтобы помочь, подобно Асклепию, древнему богу-врачевателю.

Подражая высокопарному стилю бывшего актера, римлянин, знавший «Одиссею» наизусть, с насмешкой ответил в том же стиле цитатой из поэмы:

— *Какое слово сейчас вырвалось из-за ограды твоих зубов?*

Грек усмехнулся беззубым ртом и толково объяснил, что куст, который посетил трибун, вернее, белоснежные цветочки на молодых ветках этого высокого, как дерево, куста обладают целебными качествами. Если их хорошенько высушить, а после принимать утром натощак, предварительно заварив в крутом кипятке, то исчезнет поганая речная болезнь. Да и испражняться будет легче, учитывая,

что даже великолепному римскому офицеру порой днями приходится обходиться рыбной похлебкой.

— Лети назад быстрее парфянской стрелы! — мигом приказал Константин Германик. — Оборви весь куст!

Подошел фракиец Тирас, поднял щит, забросил его за спину, освобождая руки.

— Трибун, а куда это грек так рванул? Словно ему свободу даровали!

— К многочисленным талантам нашего лицедея присоединился еще дар Асклепия, — хмуро отшутился Германик. Однако, увидев явное непонимание на грубом лице фракийца и вовремя сообразив, что матушка горца уж точно не рассказывала малышу на ночь мифы Древней Греции, объяснил: — Асклепий — бог, легендарный лекарь старых времен.

Словно высеченное из коры дуба лицо Тираса осталось таким же незыблемым, как ствол могучего дерева. Когда же быстрый в драке, но медлительный в раздумьях уроженец Фракии свел наконец в голове три понятия: Аттик — Асклепий — лекарь, то произнес сакраментальную фразу: — Даже если наш мим случайно залечит рану, то больной все равно помрет от его болтовни.

Тут раздался истошный вопль, и из-за белых кустов выскочил испуганный грек и сломя голову ринулся под защиту Тираса и Калеба, которые, мгновенно изготовив оружие к бою, прикрыли собою трибуна.

— Там! Там... — не успев отдышаться, бросил Аттик, пальцем указывая в направлении зарослей, — там старик в белом. Очень древний старик, белый, как, как эти...

Он разжал ладони, и на землю попадали только что сорванные и уже порядком измятые белые цветочки.

— Старик был один?! Это засада?! Говори, плешь греческая! — Фракиец уже успел передать щит Германику и, не дожидаясь приказа командира, что позволено телохранителю в исключительных ситуациях, угрожающе подступил к Аттику.

Несчастный актер взмолился:

— Один, один! Маленький, как подросток! Вокруг только пчелы гудят, и запах стоит... дурманящий, как от большой амфоры с розовым маслом, и отрезвляющий, словно винный уксус разлили.

— Трибун! Засада! — решительно заявил фракиец. — Надо спешить. Эфиоп прикроет.

«Не спеши! — услышал Германик знакомый голос. — Это я, твой оракул из мертвого антского городища. Тот, кто явился на свет до тебя и уйдет после тебя».

Эти слова прозвучали в голове столь же явственно и четко, словно их произнес кто-то над самым ухом. Искусством индийских магов в землях антов владел высушенный от старости фокусник, которого римлянин встретил на антском пепелище. Помнится, селение защищали только подростки, которых перестреляли готы.

«Мальчишка, который был мне родным по крови, поймал тогда твою стрелу, — снова прозвучал в голове скрипящий голос колдуна варваров. — Впрочем, ты не оценил этого, не помянул мальчика в редких молитвах. Ваш Назаретянин о нем так и не узнает...»

— Старик! Как ты здесь оказался, чего тебе надо? — поморщившись как от зубной боли, крикнул римлянин.

Поймав удивленный взгляд Тираса, услышав испуганный вздох Аттика, тут же «успокоил» спутников:

— Я с антским призраком разговариваю. Он неопасен.

Проигнорировав решительные возражения фракийца, трибун Галльского легиона стремительно направился к белому, как большое облако, кусту. Впрочем, густые заросли ему пришлось раздвигать мечом, с трудом удерживая пса за загривок.

Наконец, пробравшись через непроходимые бело-зеленые дебри, он вышел на небольшую поляну, где ароматы были настолько нестерпимо-густыми, пряными, тревожными и дразнящими, что даже привычный ко всему Цербер зашелся собачьим чихом.

Как-то незаметно из молочно-светлой растительности появилась согбенная фигура знакомого колдуна из сожженного городища.

«Привет тебе, римский солдат», — прозвучало в голове офицера.

— Хайль! — ерничая, по-готски ответил трибун. Ситуация начала его забавлять.

Ант, опираясь на толстую палку, приковылял поближе к нему, снизу вверх посмотрел выцветшими, почти ослепшими глазами. Вблизи его лицо больше напоминало цветом дешевую восковую свечу. Пошевелил впавшими губами («Зубов-то нет, вот губки и провалились», — сообразил трибун) и едва слышно произнес:

— Мальчик тот, убитый готской стрелой, что предназначалась тебе, будет отмщен его ровесником. *Кровь убитого вопиет к небу*, как следует из вашей священной книги.

— Не пугай, старик, — посоветовал анту римлянин. — А то собака спушу, она любит сусликов кончать.

Антский колдун поспешно развернулся и быстро скрылся в бело-зеленых кустах.

«Пройдоха нашел себе новое пристанище, — рассеянно подумал трибун, возвращаясь назад. — И естественно, паству, его подкармливающую. Хотя... Как он сюда добрался? Как оказался так далеко от пусть сожженного, но родного городища? На чем доплыл? А может, и не плыл вовсе? Перелетел, подобно птице? Помнится, матушка рассказывала, что в Британии местные колдуны-друиды передвигались на громадных орлах. Однако, если старик-ант может оседлать птицу, что ему мешает предсказать мое будущее?»

— Неисповедимы пути твои, Господи! — облегченно вскричал атеист Эллий Аттик, завидев высокую фигуру командира, держащего Цербера за загривок, для бедного актера — символ прочности, незыблемости и защиты в коварном мире.

Глава II

СМЕРТЬ БЕССМЕРТНОГО ДУБА

Сон трибуна был так же короток, как ночь первого месяца лета, названного то ли в честь Юноны, жены Юпитера, то ли в память о первом консуле Юнии Бруте. Местные оказались куда практичнее. Не заморачиваясь, прозвали месяц изоком — кузнечиком, проще говоря.

Именно их стрекотание разбудило Константина Германика, пса Цербера, гребцов и, конечно, антов. Те, не дожидаясь команды, дружно принялись стаскивать речные суденышки с песчаного пляжа в воду Домны. Явно торопились. Не от страха перед возможным появлением степняков, но от желания быстрее встретиться с родными. Впереди антов ждал град Родень, столица верховного князя Божа.

Наконец военный караван выстроился в линию. На головной лодии Идарий, временно исполняющий обязанности походного князя, махнул рукой, подавая сигнал к движению. Очень скоро протока расширилась до вселенских размеров. Они зашли в место встречи Домны с Борисфеном.

Трибун был поражен воистину громадой водной стихии варварского Борисфена. Реки, дотоле виданные им

в Азии, были полноводны, но мутны и медлительны, как неторопливая жизнь на пустынных равнинах. Течение Борисфена мощью было подобно атаке полновесного легиона времен Юлия Цезаря. Такое же стремительно-неотвратимое и беспощадное. В подтверждение этому на поверхность воды то и дело всплывали топляки, неслись целые островки зеленой травы, подмытые и взятые в плен беспощадной водой. На мелководье у берега, в зарослях камыша, гнездились колонии диких уток; синеву небес прорезали черно-белые речные чайки. Невидимые глаза жаворонки распевали в вышине, пытаясь привнести хоть какую-то гармонию в своеобразную дику красоту этих мест.

Против течения идти было тяжело, гребцы выбивались из сил. Вдобавок головная лодия антов то и дело меняла курс, заставляя повторять маневр остальные суда каравана.

— Что они вертятся, как шлюшка под легионером? — раздраженно осведомился Константин Германик у Иннокентия. — Чего не хватает?

— Ветра, — кратко ответил кормчий. — Насколько я понял из вчерашнего разговора с местным лоцманом, на Борисфене зефиры капризны, непредсказуемы. Налетают внезапно, ломают мачты, сносят в воду товар. Бывает и совсем худо. Это когда местный речной бог, будучи в похабном настроении, насылает вихрь на корабль и тот гонит несчастных прямиком на подводные скалы, прозываемые в этих краях иклами. Иклы вспарывают дотоле кажущееся крепким дубовое днище с той же легкостью, с какой мордатый мясник с площади Месса вскрывает брюхо молодой свинки, подвешенной за задние ноги на крюк.

Константин Германик поехал от возможности подобной перспективы и поспешил в глубину судна, к импровизированной палатке. Тут, поторопив Аттика, с его помощью поспешно снял пояс с мечом, кольчужную рубаху, оставшись в одном хитоне.

С сомнением посмотрел на далекий берег. «Подальше, чем на Евфрате, будет, — припомнив, как ему пришлось преодолевать азиатскую реку, оценил свои возможности боевой офицер. — Но тогда я хоть за хвост коня держался. А теперь? За хвост Цербера уцепиться?»

— В случае чего доплывем до берега? — вслух обратился он к молосскому догу. Умный пес все понял. Переведя взгляд с хозяина на левый берег, который после выхода с Домны по-прежнему оставался для гребцов правым (коль различать берега принято по течению), по-щенячьи твякнул: «Нет, хозяин, извини. Сомневаюсь я, что доплыву. А ближе никак подобраться нельзя?»

Изменить движение помогла резкая смена погоды. Иннокентий внезапно развернул лодию к берегу. «Что случилось на этот раз?» — только хотел трибун задать этот вопрос с бранью вперемежку, как на ближайшую банку гребца упала тень, а лицо Германика обдал отнюдь не свежий речной, но ощутимо прохладный порыв ветра. Солнце закрыли серые, на глазах зловеще темневшие облака. Уже приноровившийся к местной погоде римлянин сообразил, что собирается дождь. Не дождь. Гроза. Очевидно, на головной лодии каравана прекрасно знали, что такое гроза на Борисфене. Оттого и резко повернули к берегу.

— Мы направляемся к устью речки Ольховой, или Ольшанки, впадающей в Борисфен, — преодолевая качку, с трудом подобравшись к командиру, пояснил Хромой Ждан. — Название происходит от множества лиственных деревьев вдоль реки.

Трибун кивнул. Местная ольха была крупнее византийской. Он уже знал, что липкие листья, так же, как и кора этого дерева, употреблялись антами в лечебных целях для заживления ран и от болей в животе. Древесину ценили из-за ее водостойкости, поэтому использовали для укрепления стен колодцев, изготовления ведер, мисок, ложек, черпаков и ковшиков. Стволы больших деревьев приберегали для речных лодий. Голь на выдумки хитра...

Когда внезапно, подобно гуннам-разведчикам, упали первые капли начинавшейся грозы, гребцы и солдаты уже нашли убежище под громадной ольхой. Там же, вытасченная на песок, застыла военная лодия антов. Чуть поодаль приютились и другие корабли каравана.

Хромой Ждан, перебросившись несколькими фразами с походным князем Идарием, обходившим свое воинство, приковылял к трибуну.

— Идарий собирает командиров пехоты и кормчих на совет возле дуба первых людей. У антов принято принимать важные решения вблизи живых деревьев. Старый дуб — символ мудрости и вечной жизни. Его помнил мой дед, уже тогда называвший дуб бессмертным.

С небес лились потоки воды, но трибуну даже в голову не пришло выразить свое неудовольствие, тем более несогласие. Надо, значит надо. В конце концов, Идарию, получившему тяжкий урок плена у гуннов, было виднее, как вести себя на территории, охваченной войной и неизвестно кем контролируемой.

Громадный дуб хорошо просматривался с берега Ольшанки. Вершиной он устремлялся к небесам, а густая крона казалась подобной темно-зеленой туче.

Поторапливаясь, трибун шагнул под проливной дождь, на ходу уговаривая упиравшегося Цербера стойко переносить тяготы и лишения воинской службы. К нему присоединился кормчий Иннокентий, также получивший команду отправляться на совет. С трудом они нагнали Идария с антскими командирами. Шли быстро, без разговоров, не подавая виду, что холодные капли студят разгоряченные спины под железом доспехов, а про сухие сапоги можно забыть надолго.

Внезапно в небе сверкнула молния. Одна, вторая! Ветвистая, страшная в своем опасном огненном великолепии. Через несколько мгновений над рекой — да что там рекой! — над всей Ойкуменой ударили раскаты чудовищного грома. Боевой пес Цербер плюхнулся прямо в лужу.

— Вставай! — Поведение четвероногого бойца неприятно поразило и раздосадовало трибуна. — Это всего лишь бог Тор, из северян, по пьянке молот уронил! — Цербер и ухом не повел. Посмотрел налитыми кровью глазами и громко залаял. — Ты что, струсил? — искренне возмутился хозяин. — А что тогда в бою будет?! Да я тебя сейчас...

— Не торопись! — Руки Константина Германика, которая легла на рукоять спаты, коснулся Иннокентий. — Твой пес не грозы испугался, он что-то почуял...

И впрямь. Теперь уже и трибун уловил пьянящий запах насыщенного грозью воздуха, услышал тяжкий вздох сырой земли, далекое громоуханье, подобное топоту несущейся галопом конницы.

— К бою! — скомандовал Идарий, вытаскивая из ножен персидский акинак, захваченный у пленного гота, позже милостиво прирезанного самим же Идарием.

Верные анты мигом окружили предводителя. «Потопчут нас, как котят, если конные навалятся», — только и успел подумать трибун.

Однако в следующее мгновение случилось нечто более страшное, чем атака конных варваров. Несколько молний одна за другой вонзились в верхушку развесистого дуба. Мгновенно вспыхнули уже порядком пожелтевшие ветви. Дуб зашатался, зашумел кроной. Вновь раздались двоянные раскаты грома, и тут же, без передышки, сверкнула третья ветвистая вспышка! Молния угодила аккуратно в центр холма, где стоял древний дуб, цеплявшийся за землю корнями, сморщенными, словно ревматические пальцы старика, который пережил своих внуков.

Добивающего удара дерево первых людей не выдержало. Охваченные священным трепетом антские командиры сначала услышали вселенский треск, похожий на человеческий стон, затем увидели, как могучий дуб, расколовшись у основания, стал валиться набок.

— Бежим! — опомнился Константин Германик. Первым на его призыв откликнулся Цербер, рванув поводок

так, что буквально потащил хозяина за собой. Антские командиры, стремясь покинуть опасную зону, усыпанную тяжелыми ветвями, беспорядочно ринулись назад вслед за римлянином и его собакой.

Дуб умирал медленно, неохотно. Это спасло свидетелей его гибели. Роковая молния хоть и поразила гигантский ствол, но некоторое время дерево, сильно наклонившись, держалось, подобно смертельно раненному солдату, который страстно рвется в бой, еще не осознав, что уже мертв. Наконец дуб стал крениться на правую сторону.

— Налево! — гаркнул трибун, именно в этот момент оглянувшийся, чтобы оценить обстановку. Анты повиновались без раздумий.

Земля вздрогнула, как давеча у Торговища. Только на этот раз удар шел не из преисподней, а по ее поверхности. Порыв ветра повалил людей на мокрую траву.

Встали, отряхнулись, осмотрелись. Крона дуба трепетала на земле в полусотне шагов.

— Пойдем, посмотрим, что там осталось, — даже не приказал, а скорее, предложил предводитель антам. — Хочешь не хочешь, но придется князю докладывать о знамени.

— Доброе ли предсказание? — усомнился трибун, приблизившись к Идарию. Подоспевший Ждан перевел и также тихо, чтобы свои не слышали, неохотно пробормотал:

— Какое там доброе! Священный дуб сразил небесный огонь. И это — в начале войны!

СОДЕРЖАНИЕ

Глава I. Гость из прошлого	7
Глава II. Смерть бессмертного дуба	13
Глава III. Что знали первые люди	19
Глава IV. Что за Океаном?	24
Глава V. Град Родень и князь Бож	29
Глава VI. Путь на Самбатас	41
Глава VII. Бусово поле	45
Глава VIII. Град Кия. Сладкое свидание	49
Глава IX. Трапеза с врагом	57
Глава X. Переговоры с Херле	67
Глава XI. Прощание с Самбатасом	71
Глава XII. Заборы, или пороги	76
Глава XIII. «Стена щитов»	82
Глава XIV. Богословский диспут	92
Глава XV. Встреча у Ненасытца	97
Глава XVI. Порог Ненасытец	106
Глава XVII. Дипломатия на песке	112
Глава XVIII. Готский остров	119
Глава XIX. Данпарштадт. Ставка рекса Германариха	127
Глава XX. Смотр войск и осмотр макета	131

Глава XXI. Спасение Атаульфа	136
Глава XXII. План возвращения. Негаданная встреча	142
Глава XXIII. Правда о Митре	148
Глава XXIV. Прощание с Гунимундом	152
Глава XXV. Встреча в Черном лесу	156
Глава XXVI. Героиня сна наяву	166
Глава XXVII. Неучтенный солдат	175
Глава XXVIII. Углич. Окончательное прощание	180
Глава XXIX. Встреча с тайными посланниками	187
Глава XXX. Бунт сарматов	193
Глава XXXI. Судьба Сунильды	200
Глава XXXII. Переправа	205
Глава XXXIII. Ватага	211
Глава XXXIV. Беда не приходит одна	217
Глава XXXV. Орда	225
Глава XXXVI. Франк Сильван, кампидуктор	230
Глава XXXVII. Встреча на кладбище	237
Глава XXXVIII. Смотр кораблей, почти по Гомеру	244
Глава XXXIX. Буря. После бури	252
Глава XL. Встреча с историком и его Музой	262
Глава XLI. На могиле Овидия	268
Глава XLII. О предвидении	271
Глава XLIII. Белая лань	279
Глава XLIV. Штабная палатка	287
Глава XLV. Победа	293
Словарь имен исторических деятелей, терминов, названий и понятий	296